Р. И. ХАНДОЖКО

Хандожко Роман Игоревич
кандидат исторических наук
научный сотрудник, Лаборатория
историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ro.khan.man@gmail.com

ТЕРРИТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНОМАЛИИ: ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ В СОВЕТСКОМ АТОМНОМ ГОРОДЕ 1950–1960-х ГОДОВ[1]

Аннотация. Реализация советской ядерной программы предполагала концентрацию большого количества научно-технических специалистов в атомных городах, которые были территориально удалены и политически изолированы от «гражданских» административных центров. Управление ими осуществлялось в системе Первого главного управления, а затем Министерства среднего машиностроения, которые руководили атомными разработками в чрезвычайном режиме, опираясь на почти неограниченные ресурсы. Этот особый режим власти ослаблял позиции партийных инстанций в атомных центрах и затруднял осуществление идеологического контроля над научно-технической интеллигенцией. Предметом статьи стал город Обнинск Калужской области, возникший вокруг секретной Лаборатории «В». Автор рассматривает историю формирования местной организации КПСС, изолированной от областного руководства, в условиях атомной секретности. Эта замкнутость не была полностью преодолена и после «открытия» города в 1956 г., что проявлялось, в частности, в кадровом составе городского комитета КПСС. Наличие среди партийных начальников либерально настроенных выходцев из научной среды позволило активистам разных институтов создать в 1960-е годы единое город-

[1] Исследование проведено в рамках проектов ШАГИ «Научно-техническая интеллигенция в историко-культурной перспективе: формирование среды, мировоззрения и трудовой этики» (2012) и «Идеология и практика технологического прорыва: люди и институции» (2013) при поддержке Фонда Михаила Прохорова (программа «Карамзинские стипендии»).

© Р. И. ХАНДОЖКО

ское публичное пространство, нацеленное на свободу самовыражения и дискуссии, используя, в том числе, партийные сети и ресурсы. Эта модель городского развития была разрушена в 1968 г. в результате изменения центрального курса и последовавшего переформатирования локального политического поля.

Ключевые слова: атомный проект СССР, атомные города, наукограды, научно-техническая интеллигенция, КПСС, партийный контроль, партийное членство, политпросвещение, инакомыслие, самодеятельность, социальные сети

В декабре 1968 г. в журнале «Коммунист» была опубликована статья, посвященная «партийной заботе о воспитании научно-технической интеллигенции». Критический взгляд автора был направлен на жизнь институтов одного из центров советского атомного проекта — г. Обнинска Калужской области. Ученые порицались за «политическую беспомощность», а газета «Вперед» — орган городского комитета КПСС и городского совета депутатов трудящихся — за публикацию идейно невыверенных очерков об их зарубежных поездках. Отдельного разбора удостоился физик Н. С. Работнов (не названный по имени), который в серии заметок о Дании с восторгом отзывался об ассортименте местных магазинов и об увлечениях членов королевской семьи. Ответственность за слабую организацию идеологической работы в городе науки возлагалась на городской комитет КПСС, который мало обсуждал вопросы идейно-политического воспитания интеллигенции [Свиридов 1968].

Эту публикацию в главном журнале страны можно рассматривать как публичную констатацию закрытия «оттепельного» проекта[2] в одном из научно-технических оазисов послевоенного СССР. Она стала финальным аккордом в серии событий, связанных с преследованием инакомыслия в среде обнинских ученых (физики обвинялись в чтении и распространении самиздата, а также в связях с нарождавшимся диссидентским движением). Вместе с тем факт столь резкого публичного окрика со стороны идеологов ЦК в сторону партийного комитета небольшого города позволяет поставить вопросы о способах приведения в действие машины КПСС в послесталинский период и о степени автономии ее низовых организаций, а также о специфических локальных порядках политической организации позднесоветской науки.

Сегодня «обнинская история» существует в виде россыпи автобиографических [Стависский 2002; Троянов 2007; Медведев 2011–2015 и др.] и автоисторических [Краткий очерк 1982; Физико-энергетический институт

[2] Об «оттепельном» проекте см.: [Kozlov, Gilburd 2013; Михайлин 2015].

2006] нарративов, отдельных документальных публикаций [Лейпунский 2003; Гаврилова 2013] и подборок интервью [Гер 2015], а также первых аналитических интервенций [Орлова 2014]. Голоса участников событий, в основном звучащие в унисон в духе «оттепельной» мифологии, все еще доминируют в пространстве репрезентаций, оставляя в тени структурные факторы развития политического ландшафта молодого города. В этой статье я хочу показать, как специфика территориально-политической организации атомной науки повлияла на особенности и ограничения «партийной сборки» городской интеллигенции и как в результате детерриторизующих и ретерриторизующих смещений образовывалась поверхность сцепления и взаимного проникновения между официальными партийными институциями и неформальными группами ученых и инженеров.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари понимали под движениями детерриторизации и ретерриторизации процессы размывания и консолидации иерархических структур, в результате чередования которых происходит переупорядочивание разнородных пространств [Делез, Гваттари 2010]. Одной из сфер применения этой теории могут быть политические пространства, где свободное экспериментирование чередуется с цензурой и репрессиями. Задействуя эти концепты, я хочу продемонстрировать, как сообщества обнинской интеллигенции включались в партийную сеть и пользовались ее ресурсами в собственных интересах, используя экстерриториальный характер атомного проекта и нестабильное состояние партийных инстанций внутри него, и как ретерриторизующие движения «центра» вносили свои коррективы в это развитие.

Партийная робинзонада на атомном архипелаге

Генеалогия Обнинска как одного из центров советской ядерной науки определила неповторимый колорит местной партийной жизни. Точкой отсчета стал 1946 год, когда в удаленных друг от друга частях страны были созданы четыре «литерные» лаборатории, участвовавшие в реализации советского атомного проекта. Среди них была Лаборатория «В» на станции Обнинское в ста километрах от Москвы, где немецкие специалисты под руководством физика-ядерщика Гейнца Позе, а затем и их советские коллеги в условиях секретности работали над ускорителем частиц и проектировали разные типы ядерных реакторов.

В 1946–1947 гг. единые принципы политического управления на атомных предприятиях еще не были определены, однако уже тогда на ряде секретных объектов партийное руководство было организовано в форме политотделов. В соответствии с Уставом ВКП(б) 1934 г. политотделы могли создаваться ЦК в целях усиления большевистского руководства и политической работы на особо важных для народного хозяйства участках социалистического строительства. Политотделы были выведены из подчинения районных и областных комитетов КПСС, на территории которых они

фактически находились; руководство ими осуществлял непосредственно ЦК ВКП(б) через производственно-отраслевые отделы или специально организуемые политуправления и политсекторы [Программа и Устав 1937: 52–53].

С 1948 г. система политотделов становится нормой на предприятиях Первого главного управления (ПГУ)[3]. В атомоградах промышленного типа они появлялись, как правило, через полтора-два года после начала строительства предприятий, «когда число коммунистов позволило создавать первичные партийные организации в цехах» [Кузнецов 2008: 111]. На научных «объектах», где работников (и, соответственно, коммунистов) было значительно меньше[4], своих политотделов долгое время не создавали. Тем не менее их партийные организации тоже включались в общую иерархию.

Лаборатория «В», вокруг которой впоследствии вырос г. Обнинск, до августа 1948 г. была в ведении МВД и с января 1948 г. состояла на учете в политотделе № 90 под номером 24 [Краткий очерк 1982: 27]. Затем в августе 1948 г. она была передана ПГУ при Совете министров СССР [Рябев 2003: 140–142]. С апреля 1950 г. ее перевели на партучет в партком ПГУ (он пользовался правами райкома г. Москвы) и присвоили номер 15 [Краткий очерк 1982: 42].

К сожалению, ограниченный доступ к первичным источникам вынуждает при реконструкции раннего этапа истории партийной организации Лаборатории «В» опираться на единственное издание, подготовленное группой сотрудников Физико-энергетического института для служебного пользования на основе архивных документов [Краткий очерк 1982]. В этой корпоративной биографии особый дизайн средмашевской экстерриториальности ранней поры окружен романтическим ореолом робинзонады:

> Свою деятельность пришлось начинать в условиях «островной» жизни, другими словами, автономно от территориальных партийных комитетов, на территории которых находился институт. Партийно-политическое руководство партийной организацией Лаборатории «В» осуществлялось центральными партийно-политическими органами министерств, находившихся в Москве [Там же: 23–24].

[3] Реализация атомной программы с 1945 г. велась под руководством Специального комитета при Государственном комитете обороны (с марта 1946 г. — при Совете министров СССР), которому подчинялось Первое главное управление при Совете народных комиссаров СССР (с марта 1946 г. — при Совете министров СССР). Председателем Спецкомитета был Л. П. Берия, начальником ПГУ — Б. Л. Ванников. Научные институты и лаборатории, занимавшиеся ядерными проектами, курировались также 9-м Управлением Министерства внутренних дел.

[4] На первом партсобрании Объекта «В» 24 июня 1946 г. присутствовали 15 человек, в 1947 г. число коммунистов выросло до 41, а в 1950 г. в документах зафиксированы 65 членов и 7 кандидатов в члены КПСС [Краткий очерк 1982: 42].

Основной сюжет повествования о «детстве» партийной организации Лаборатории «В» — исключительность условий, в которых простое воспроизводство стандартных партийных практик было сопряжено с решением сложных задач по структурированию внутриполитического поля. Проекцией этих условий стал образ партийцев как своеобразных внутренних колонизаторов, вынужденных насаждать культуру партийной жизни в чуждой им среде. Вырванные из плотной ткани партийной опеки, они как будто оказались в безвоздушном пространстве, сообщаясь с «Большой землей»[5] лишь посредством ведомственной пуповины.

Обзоры выступлений на партсобраниях института, приведенные в «Кратком очерке», свидетельствуют о том, что партийная организация отнюдь не шла в авангарде производственной деятельности на «объекте». В основном партактив был озабочен тем, чтобы найти такие формы организации партийной жизни, которые не противоречили бы режимной специфике предприятия. Партия была вынуждена подстраиваться под особую конфигурацию режимных перегородок, что увеличивало свободу маневра для отдельных сотрудников и научных подразделений. Фактически сложился персоналистский режим управления, в осуществлении которого партийные практики коллективной ответственности не играли большой роли:

> Существовавшая специфика работы требовала находить иные формы, чем в парторганизациях с территориально-производственным подчинением. Далеко не все коммунисты парторганизации и даже члены партбюро были посвящены в полном объеме со стоящими задачами перед институтом. Вопросы, затрагивающие ход выполнения научно-производственных работ, не могли выноситься на широкое обсуждение всего коллектива, всех коммунистов. Поэтому партбюро свою работу по мобилизации и организации коллектива осуществляло через отдельных членов партбюро или коммунистов-руководителей [Краткий очерк 1982: 45].

Подобные трудности были типичны для партийных структур атомных предприятий. Они были изолированы от партийной системы снаружи («о существовании таких объектов знал строго ограниченный состав партийных работников» [Кузнецов 2008: 110]), а внутри вместо коллективных форм контроля над трудовой деятельностью коммунистов партийным боссам приходилось опускаться на уровень индивидов и малых групп:

> Допуск на промышленные площадки имели только начальники политотделов. Контроль за хозяйственной деятельностью администрации осуществлялся либо через партийные группы, создаваемые в

[5] Такое обозначение для территорий за пределами огороженной зоны было в ходу у жителей закрытых городов [Мельникова 2006: 76]. Использовались и «космические» метафоры: «Мы живем здесь как на другой планете, нас законы и постановления общесоюзные не касаются» (из выступления на партийной конференции в г. Трехгорном) [Там же: 78].

> сменах, бригадах, либо через отдельных коммунистов, которым давались персональные задания [Там же: 119].

Имея ограниченное влияние на основную производственную деятельность, партийные руководители уже с ранних этапов развития атомных «объектов» пытались компенсировать эту слабость идеологическим рвением. Получалось это не очень успешно:

> В условиях жестких сроков, отведенных на строительство объектов, политотделам приходилось отстаивать свое право на проведение идеологической работы ‹…› При любой возможности и ослаблении внимания со стороны политотдела руководители подразделений старались вместо занятий форсировать запланированные производственные работы [Кузнецов 2008: 138].

В то время как в уральских закрытых поселках политотделы вместе с парторгами ЦК сразу заявили о себе как о локальных центрах власти, Лаборатория «В» включалась в состав других политотделов и парткомов дистанционно, что также затрудняло проникновение партийных практик на «объект». Научное руководство адаптировало партийные механизмы для решения собственных задач (например, для «создания общественного мнения» при продвижении отдельных направлений работы [Краткий очерк 1982: 172]), реализуя тем самым детерриторизующее движение в отношении заданных уставными документами и повседневной практикой структур низовой власти КПСС.

Ядерный оксюморон: эффект «вольницы» на сверхсекретном объекте

Институциональные режимы, ослаблявшие партийный контроль внутри научных учреждений атомного проекта, накладывались на специфическое отношение к ученым-ядерщикам как к особому стратегическому ресурсу. Для них в ведомстве Берии действовали особые нормы рекрутирования: профессионализм и научный авторитет стоили больше, чем политическая благонадежность. В результате в научных резервациях атомного архипелага оседали и даже делали карьеру люди с сомнительной с точки зрения гражданских властей биографией, позволявшие себе демонстрировать нелояльность к политической элите разных уровней[6].

Люди, вошедшие в столкновение с системой, были и в высшем эшелоне обнинской науки. А. И. Лейпунский, работавший с 1949 г. заведующим отделом Лаборатории «В», а с 1959 г. — научным руководителем будущего Физико-энергетического института (ФЭИ), в 1937 г. был исключен из пар-

[6] Так, своим политическим фрондерством был известен Л. Д. Ландау (Институт физических проблем, Москва), арестованный в 1938 г. и освобожденный после личных визитов П. Л. Капицы к Молотову и Сталину [Кулевиг 2009: 125].

тии «за притупление большевистской бдительности к отдельным научным работникам, которые были разоблачены как враги»[7], арестован и два месяца провел в тюрьме. Он был восстановлен в партии уже в 1946 г. после повторной просьбы [Лейпунский 2003: Л. 25]. Заместитель директора Лаборатории «В» с 1956 г. В. Н. Глазанов, член ВКП(б) с 1920 г., который согласно официальной партийной характеристике «с 1936 по 1946 г. работал в должности начальника электротехнической лаборатории Норильского комбината» [Характеристика 1956], в действительности отбывал в эти годы срок по статье 58-8 — сначала на Соловках, потом в Норильске[8] (что не помешало ему в 1943 г. защитить кандидатскую диссертацию). Среди известных ученых Института медицинской радиологии (ИМР) в свое время узниками ГУЛАГа были заведующие отделами Н. В. Тимофеев-Ресовский и Н. В. Лучник [Лучник 2002: 55–72]. В мемуарной литературе даже появился тезис о «контре со 101-го километра»; так, по свидетельству Т. Белановой, называла обитателей Обнинска (тогда Малоярославца-1) милиция Киевского вокзала Москвы, подозревавшая в них иностранных шпионов [Беланова 1996: 32].

Подобное идеологическое невмешательство (которое, разумеется, не было всеобщим) наследовало, с одной стороны, практике сотрудничества с «буржуазными специалистами» 1920–1930-х годов, а с другой — системе шарашек, в которых ученые и инженеры работали в относительно привилегированных по сравнению с основной массой заключенных условиях. Привилегия физиков-теоретиков свободно выражать политические пристрастия в рамках закрытых «клубов», по некоторым свидетельствам, сознательно лоббировалась чиновниками атомного ведомства в кабинетах ЦК как необходимое условие эффективности их труда [Адамский 1996: 34].

Сегодня, реконструируя начальный этап жизни «объекта» и говоря об особом духе раннего ФЭИ, обнинские информанты ссылаются на эффект «вольницы», вызванный изоляцией учреждений атомного проекта в партийной структуре:

> В Обнинске была все же своеобразная ситуация, потому что организовывалась на базе ФЭИ, вернее лаборатории, причем секретной, которая курировалась КГБ тогдашней, поэтому партийного, так сказать, вначале-то, конечно, контроля партийного не было (NN, 2012b)[9].

[7] Формулировка из письма секретаря партколлегии при Харьковском обкоме и горкоме КП(б)У (1947 г.) [Лейпунский 2003: 25].

[8] По одной версии, он был обвинен во вредительстве, по другой — в том, что неодобрительно отозвался об одном из членов Политбюро, по третьей — в связи с причастностью убийцы Кирова к Ленинградскому физико-техническому институту, где Глазанов тогда работал [Глазанов 1992]. Еще одна версия причины ареста — «за участие в “контрреволюционных сборищах”, подбор в институт “троцкистских кадров”» [Габрианович 2012: 109].

[9] См. список информантов. За исключением NN, пожелавшего сохранить анонимность, все информанты значатся под их настоящими именами и фамилиями.

Мощное присутствие госбезопасности оказывается важным пунктом в современных объяснениях обнинского своеобразия, спровоцировавшего всплеск общественной активности середины 1960-х годов. Об этом говорит, в частности, физик и секретарь институтского партбюро В. В. Орлов:

> …На самом деле тот пресс там политический, который в стране был, у нас его не было. Нас, по-видимому, товарищ Берия отгородил от этого. Да, вот, конечно, у нас тут... очень много было КГБ-шников, работало, и МВД-шников, лагерников, из лагерей пришедших, так — всё это было. Но этого давления такого не было. Из-за этого здесь произошли диссидентские все… [смеется] ‹…› Да, по-видимому, отсюда, от такой свободы, конечно… не было ни-ни политического давления, партийного в том числе... Ну, было спокойно… было у нас, я говорю, был режимный отдел, там он следил там за чем-то, но… Начальника его я помню, такой… КГБ-шник был… у него был Пётр Адамович Лысенков, который следил за тем, чтобы мы с книжками [усмехается]... начальник первого отдела нашего, тоже, тоже хороший человек (Орлов В. В., 2012).

Как и научные сотрудники, административные и партийные работники, попадавшие на службу на объекты атомного ведомства в 1940–1950-е годы, не всегда имели кристально чистую партийную биографию. Для начальника Объекта «В»[10] в 1947–1950-е годы П. И. Захарова, некоторое время бывшего секретарем ЦК КП(б) Украины по строительству и строительным материалам, работа в Обнинске была явным понижением. Существует версия, что его карьере помешало расхождение во взглядах с Н. С. Хрущевым о путях восстановления Донбасса [Еремеев и др. 2004: 12]. То же касается его однокурсника по Запорожскому строительному университету, заместителя начальника Объекта «В», а затем замдиректора ФЭИ И. Т. Табулевича («ослушался Кагановича») [Там же: 13].

Но нельзя сказать, что такого рода сложные биографии — удел только старших поколений обнинских пионеров. У ряда общественно активных молодых сотрудников, появившихся в городе в конце 1950-х — начале 1960-х годов, были репрессированы родители (Нозик В. З., 2013), а один из наших информантов 1937 г. р. провел первые три года жизни в лагере вместе с матерью, арестованной как жена врага народа. Такие биографические детали сыграли свою роль в вовлечении обнинских «шестидесятников» в движение десталинизации, во многом определив их общественные и культурные ориентиры.

[10] Объект «В» включал, помимо научного (Лаборатории «В»), также хозяйственные и строительные подразделения. На начальном этапе истории Обнинска именно начальник Объекта был центром местной политической власти.

Хрущевская ретерриторизация: между Калугой и Министерством

В 1956 г. институт политотделов на предприятиях атомной промышленности был упразднен решением ЦК КПСС, и структура местных партийных организаций была переформирована по территориально-производственному принципу [Кузнецов 2008: 145]. Поселок Лаборатории «В» был преобразован в город Обнинск, где в августе 1956 г. прошла городская партконференция, был избран состав комитета КПСС во главе с И. Г. Морозовым. Конференцию открыл первый секретарь Калужского обкома КПСС С. О. Постовалов [Краткий очерк 1982: 112]: с этого момента Обнинск подчинялся калужскому партийному руководству. Подобное развитие событий вполне соответствовало действующему Уставу КПСС, который предусматривал превращение политотделов в обычные партийные органы «по мере выполнения ‹…› ударных задач» [Программа и Устав 1937: 52–53]. Вслед за горкомом был избран и высший орган советской власти — Городской совет депутатов трудящихся.

Чрезвычайные методы управления на атомных объектах не соответствовали хрущевской идеократической модели, опиравшейся на «ленинские принципы» внутрипартийной демократии и коллективного руководства. В условиях демонтажа репрессивной машины и перераспределения реальной власти в пользу партийного аппарата сохранение изолированных анклавов с сомнительной лояльностью воспринималось как угроза партийной монополии. Особенно это стало очевидно после XX съезда КПСС, когда удержание контроля над массовыми эффектами десталинизации стало важной задачей партийной верхушки. В этой ситуации не была случайностью судьба Теплотехнической лаборатории, находившейся в двойном подчинении — Министерства среднего машиностроения и Академии наук СССР. Ее парторганизация после нескольких разбирательств была распущена «за «неправильное» обсуждение решений XX съезда», а часть сотрудников уволена [Доклад 2002: 288–290, 448–462; Орлов 2006: 103–107; Лурье, Малярова 2007: 182–196].

Преобразование местного управления имело и вполне прагматические основания. К этому моменту основные цели самого напряженного этапа атомного проекта были достигнуты, а населенные пункты разрослись настолько, что руководство «основных производств» стало испытывать трудности с организацией городской инфраструктуры. В то же время у реформы был большой политический контекст: Хрущеву требовалась поддержка секретарей обкомов, которые голосовали за него на пленумах ЦК [Пихоя 2000: 7]. Подчинение атомных городов областным комитетам КПСС усиливало партийную элиту и ослабляло влиятельное ведомство, тесно связанное с военными и спецслужбами. Таким образом, на локальном уровне продолжился процесс ретерри-

торизации управления ядерной программой, который несколькими годами раньше в общесоюзном масштабе был запущен в отношении ПГУ[11].

В Обнинске после реформы следить за городом должен был Калужский обком, не имевший для этого достаточных ресурсов и опыта. Один из «активистов памяти» об Обнинске 1960-х годов Валерий Нозик описывает хрущевскую эпоху как время «свободного плавания»:

> …Московское партийное начальство не осуществляло прямого воздействия на Обнинск, а калужское партийное начальство просто не пускали. Калужская область в основном занималась сельским хозяйством, и поэтому Обнинск был вне достижимости местного партийного начальства. Обнинский институт, подчиняясь только министерству, оказался на вольных хлебах [Феномен Турчина 2001].

Таким образом, установление полной и окончательной монополии партии было долговременной и трудновыполнимой задачей. В выигрыше оказались ученые, сумевшие выгодно использовать средмашевское прикрытие для поддержания своей автономии.

Замкнутый партийный цикл

В то время как физики ФЭИ бились над проблемой создания реакторов на быстрых нейтронах, которые сами для себя воспроизводят ядерное топливо и не зависят от урановой добычи, аналогичное «замыкание цикла» вполне успешно реализовалось в сфере руководящих партийных кадров. Этим Обнинск отличался от крупных атомных комбинатов, где сразу создавались собственные политотделы, и их начальники назначались ЦК, будучи «опытными партийными работниками, многие из которых работали до этого парторгами ЦК КПСС на крупных промышленных предприятиях, и работа в этих должностях была ступенью в их партийной карьере» [Кузнецов 2008: 117]. В Лаборатории «В», где своего политотдела не было до 1954 г., секретарь парторганизации избирался из числа сотрудников и не был профессиональным партийцем, а в члены партбюро рекомендовались к избранию «такие коммунисты, которым по частям или в целом (в полном объеме) была известна научно-производственная тематика» [Краткий очерк 1982: 45]. Из-за этого партийный центр власти начал кристаллизоваться здесь заметно позднее, и сложилась своего рода кадровая изоляция «объекта».

[11] Вслед за устранением Берии в 1953 г. вместо ПГУ при Совете министров СССР было создано Министерство среднего машиностроения, которое перешло под непосредственный контроль Маленкова [Полунин 2007]. Оно уже не являлось метаведомством, экстерриториальным и детерриторизованным по отношению к нормальной сетке министерств, хотя и было сильнейшим среди многих.

На протяжении 1956–1968 гг. из пяти секретарей Обнинского горкома только один (Л. М. Петров) был «засланным». Остальные избирались из числа коммунистов ФЭИ:

> Обычным было партийных руководителей города «добывать» из своих же институтских недр и туда же возвращать по сроку — с повышением, конечно. К совсем длинным срокам, т.е. номенклатурной партийной карьере никто и не стремился, частично и потому, что по калужским ступенькам все равно не двинешься — Калуга тебя на дух не знает, пока ее объятий сторонишься, а в Москве все заметные места давно оккупированы [Нозик б. г.].

Занятие крупной партийной должности в средмашевском городе было делом сложным и малоперспективным с точки зрения партийной карьеры. По воспоминаниям П. Г. Пронягина, первого секретаря горкома КПСС Свердловска-45, недоверие к присланным извне партработникам было типично для министерства с его закрытой военно-бюрократической «вертикалью»: «в них видели чужих людей, мешающих и, возможно, докладывающих “куда следует”» [Пронягин 2007: 338]. При этом научно-технические работники всеми силами пытались откреститься от предлагаемых им постов в горкоме, не в последнюю очередь потому, что зарплата ответственного сотрудника на атомном производстве значительно превышала оклад партийного секретаря [Там же: 341–342].

Вместе с тем на протяжении исследуемого периода, особенно начиная с конца 1950-х годов, нарастает влияние факторов, размывающих кадровую изоляцию партийного руководства Обнинска. С появлением в городе новых институтов он превращается из средмашевского моногорода в асимметричный конгломерат учреждений науки, принадлежащих разным ведомствам. В Обнинск приезжает значительное число работников, в том числе членов партии, которые не имели отношения к ФЭИ. Новый контингент не был знаком с традициями «островного» периода Лаборатории «В» и в целом был более конформным. На него партийные консерваторы могли опереться, когда появилась необходимость «прикрутить гайки». Ставший в 1961 г. секретарем Калужского обкома А. А. Кандренков начинает все более настойчиво вмешиваться в дела города атомщиков, пытаясь обратить местных партийных лидеров в своих агентов. Первым таким агентом, по мнению В. З. Нозика, стал инженер ФЭИ и секретарь горкома с 1963 г. А. Д. Руденко, не пользовавшийся особым авторитетом среди коллег и посчитавший для себя выигрышным разыграть калужскую карту [Нозик б. г.]. В то же время опорой областного начальства становится парторганизация Обнинского управления строительства, более дисциплинированная и «классово близкая».

Таким образом, к моменту, когда в стране наметился консервативный поворот, в атомном центре уже были силы, готовые поддержать наступление на ученых.

Партийная дисциплина и партийный контроль

Механизмы трудовой мобилизации, которые на индустриальном производстве поддерживались партийными ритуалами и повседневной идеологической «накачкой», в случае научной и технической работы запускались иначе (в основном через исследовательский интерес и ощущение причастности к решению «больших» задач), что ослабляло влияние партийных ячеек и делало избыточной систему горизонтального взаимного контроля. Секретарь партбюро Лаборатории «В» П. Н. Слюсарев отметил в докладе на отчетно-выборном собрании 21 февраля 1951 г., что «разбор персональных дел проходит без достаточного обсуждения коммунистами, а отсюда низкий воспитательный эффект» [Краткий очерк 1982: 59]. Похожие проблемы были и на уральских атомных заводах: «Коммунисты и комсомольцы, допустившие нарушения, редко заслушивались о проступках в своих организациях» [Кузнецов 2008: 127].

Стандартные сеансы партийной критики и коллективного порицания могли принимать в научно-технической среде отчетливо игровой характер. Например, в повестке дня партийного собрания 27 июня 1951 г. разбиралось дело редактора стенгазеты М. Ф. Савина, «опубликовавшего в стенгазете карикатуру на коммуниста — директора Д. И. Блохинцева, как пародию на картину “Явление Христа народу”, без соблюдения элементарной этики» [Краткий очерк 1982: 61][12]. Интересно, что оценка опирается на «элементарную этику», а не, скажем, на коммунистическую сознательность, игнорируя существовавший канон партийных увещеваний.

После создания в 1956 г. Обнинского горкома КПСС партбюро (а с 1961 г. партком) ФЭИ сбросило с себя бóльшую часть бремени бытовых проблем поселка. Основными сферами его компетенции стали вопросы организации научной деятельности и строительства, материального снабжения института, техники безопасности, кадров. Заботы, связанные с воспитательной работой и поддержанием коммунистической атмосферы в коллективе, как и в предыдущий период, не выходили на передний план. Среди проступков, вызвавших реакцию партийного комитета, можно упомянуть «продажу личных автомобилей по спекулятивным ценам», «мелкое хулиганство на почве пьянства», безответственность при подборе кадров («один бухгалтер проворовался, его уволили с работы, а наш отдел кадров ему предоставил работу сразу же» [Краткий очерк 1982: 166]). Отмечались и положительные факты в воспитательной работе: так, в выступлении А. П. Белова 15 февраля 1961 г. на собрании партийной организации № 2 заслужил поощрение товарищ Громов, который «регулярно беседует с каждым сотрудником не реже одного раза в месяц о всяких делах: по работе, по житейским делам, по политике и философским вопросам» [Краткий

[12] После разбирательства Савин продолжал редактировать стенгазету, по крайней мере до 1955 г.

очерк 1982: 159]. Характерно, что первым секретарем партбюро был избран В. В. Орлов — молодой сотрудник, имевший довольно свободные политические взгляды и называющий себя в интервью «конформистом», который «понимал» диссидентов и «сочувствовал» им (Орлов В. В., 2012).

Калужский обком пытался вмешиваться в дела парторганизации ФЭИ, используя идеологический нажим. Идеологическая комиссия обкома побывала в 1960 г. в теоретическом отделе [Нозик б. г.], а в июле 1962 г. областной пленум раскритиковал партийную организацию ФЭИ за «серьезные недостатки в работе с молодежью» [Краткий очерк 1982: 171]. Городской комитет КПСС формально следовал поступавшим директивам: принимал соответствующие постановления [Там же: 194], проводил воспитательную работу. Так, в ходе диспута «Заглянем в будущее» (1960 г.) первый секретарь горкома И. Г. Морозов довольно резко отреагировал на выступления комсомольцев о половинчатости критики культа личности [Ларина 2006: 311]. Однако, сохраняя видимость бдительного надзора, городские руководители не применяли серьезных карательных мер. Секретарь Обнинского горкома был своеобразным медиатором между «нестандартной» институтской парторганизацией и более консервативным руководством обкома, сохраняя при этом верность собственной профессиональной корпорации.

Важным контекстом этих настроений стала тенденция послесталинского СССР к усилению партии как контролирующей инстанции на всех этажах управления. Повышался символический авторитет первичных партийных организаций, разрабатывались новые механизмы их влияния на деятельность администраций предприятий. В частности, летом 1959 г. ЦК КПСС принял постановление «Об образовании в первичных партийных организациях производственных и торговых предприятий комиссий по осуществлению парторганизациями права контроля деятельности администрации предприятий» и утвердил соответствующее «Положение о комиссиях» [Положение 1959]. Предполагалось, что таким образом усиливается контроль за хозяйственными и техническими руководителями «снизу, со стороны масс» [Справочник 1967: 23]. Следом, в 1962 г., был создан Комитет партийно-государственного контроля. Эти шаги оформлялись популистскими заявлениями о возвращении власти народу после периода сталинских «извращений».

В создававшуюся широкую сеть «общественного контроля» входили также профсоюзные и комсомольские ячейки. Так, в ВЛКСМ еще с конца 1920-х годов существовало движение «Легкой кавалерии», а после Второй мировой войны было инициировано создание «Бригад комсомольского контроля». В 1962 г. в качестве новой формы общественной активности молодежи был учрежден «Комсомольский прожектор». Официальной его задачей была помощь партийным организациям «в устранении недостатков в работе предприятий и учреждений, в борьбе с бюрократизмом и волокитой ‹…› с различного рода злоупотреблениями и посягательством на социалистическую собственность» [Положение 1963].

В биографиях активистов 1960-х годов участие в комсомольских инициативах предшествовало их партийной деятельности и в какой-то степени воспроизводило в условиях города науки университетский стиль общественной жизни. Выполняя совместные поручения, молодые люди из разных учреждений знакомились между собой, наращивая инфраструктуру горизонтальных взаимодействий:

> …Когда сюда приехал, я включился и здесь в комсомольскую жизнь, возглавлял «Комсомольский прожектор» — была такая в свое время организация — за что имел ряд, кучу неприятностей с партийными органами. Мы контактировали с комсомольскими организациями других институтов, и там ребята, с которыми я разговаривал, видели, что необходима какая-то общественная деятельность в рамках межотраслевой, межинститутской… (NN, 2012a).

Часть наших информантов описывает комсомольский и партийный опыт вплоть до конца 1960-х годов языком подлинного энтузиазма и вовлеченности. Переход из комсомола в партию они трактуют как момент достижения политической зрелости, позволяющий молодым представителям интеллигенции, наконец, полноправно заявлять о себе и своих правах на город.

По мнению О. В. Хархордина, через возобновление революционных практик коллективизации жизни эти институциональные новации «оттепели» должны были создавать плотную ткань взаимного надзора, предоставлявшую больше возможностей для контроля над частной и профессиональной жизнью, чем централизованный репрессивный аппарат [Хархордин 2002: 389–397]. Обнинский случай оказывается интересным полигоном для проверки модели «хрущевской нормализации». Он показывает, что инициированное сверху оживление партийной и комсомольской жизни в определенных случаях выходило за пределы официально одобренных форм и приводило к возникновению неконтролируемой публичной сферы.

Шестидесятники вступают в партию

На протяжении периода «оттепели» партийный контингент Обнинска постоянно увеличивался, что было связано не только с ростом города и с появлением новых институтов, но и с изменением общегосударственной политики. Как отмечает историк Э. Кулевиг, «Хрущев провозгласил отход от слишком строгих рамок вступления в КПСС ‹…› Его целью было расширить КПСС, чтобы та воистину стала “партией всего народа”» [Кулевиг 2009: 105]. Общее число членов партии в стране с 1953 по 1967 г. выросло вдвое, с 6 до 12 млн человек [Rigby 1968: 52–53].

Состав партийных организаций изменился не только количественно, но и качественно. В КПСС пришло поколение «шестидесятников» — убежденных коммунистов, которые с энтузиазмом восприняли попытки десталини-

зации и рассматривали партию как основной легитимный институт политического участия. К середине 1960-х годов активисты, социализировавшиеся в свободной атмосфере «оттепели», достигли верхней границы комсомольского возраста. Многие из них вступали в партию, чтобы реализовать комсомольский опыт во «взрослой» общественно-политической работе.

В случае Обнинска этот поколенческий эффект был особенно заметен, так как бурный рост института и города, равно как и самый динамичный период развития ядерной физики, пришелся на вторую половину 1950-х годов. В это время в науку пришло массовое пополнение только что окончивших вузы специалистов, в основном 1933–1937 годов рождения, которые достигали предельных для комсомола 28 лет в 1961–1965 гг.

Об отношении научной интеллигенции к перспективе вступления в КПСС на исходе «оттепели» можно судить, в частности, по рассказу одного из информантов о будущем диссиденте В. Ф. Турчине (1931 г. р.), ставшем интеллектуальным лидером круга обнинских физиков:

> …Я совсем недавно узнал, что где-то в начале 60-х еще Турчин на спор решил вступить в партию. ‹…› Он сказал: ‹…› «Вступлю в партию, стану первым секретарем Обнинского горкома и буду, так сказать, улучшать ситуацию в городе, сначала в городе». Как раз Николай Семенович Работнов его отговорил, сказал: «Ничего у тебя не получится». Турчин в партию не вступил (Маев С. А., 2012).

Однако в дальнейшем и сам Н. С. Работнов, и ряд его единомышленников стали членами КПСС с благословения Турчина:

> В партию мы только что (в конце 1964 г. — *Р. Х.*) вступили вместе с Валерием Алексеевичем Павлинчуком, с одобрения Валентина Федоровича Турчина — он считал, что надо начинать «влиять на события» [Работнов 1997].

Вступление в КПСС ряда политически активных молодых обнинцев пришлось на последние годы правления Хрущева и на последующее «окно» с 1964 по 1967 г., когда консервативные принципы «зрелого» брежневского руководства находились еще в стадии формирования.

Обосновывая этот шаг в современных интервью и воспоминаниях, информанты ссылаются на необходимость через партийные структуры подтолкнуть неоконченную «оттепельную» либерализацию. Сотрудник теоротдела ФЭИ С. А. Маев вспоминает, что вступил в партию «в 66-м году ‹…› на волне антихрущевского иллюзионизма, что вот теперь с волюнтаризмом покончено, теперь будет все хорошо, надо идти в партию и начинать работать над политическими вопросами» (Маев С. А., 2012). Сходные мотивы прихода в партию были у молодых сотрудников других институтов Обнинска. NN (1937 г. р.), работавший инженером в одном из институтов города, описывает собственный путь к партийному членству как типичный для своего поколения:

> Я был активным комсомольцем и считал, что общественная работа, она необходима. И когда мой возраст подошел уже… 28 лет, дальше уже выбывают, я решил вступить в партию. Это еще были как бы отблески «оттепели», были надежды на то, что можно через свои партийные организации как-то благотворно влиять на ситуацию. Поэтому я как раз незадолго до вот этих всех событий в партию вступил. Вот примерно в это же время и Павлинчук из ФЭИ вступил в партию из тех же, собственно, соображений. То есть такой настрой был присущ не только мне, но целому ряду людей, которые видели, что надо как-то менять в стране ситуацию, но считали, что наиболее эффективно это будет как раз через партию (NN, 2012b).

Таким образом, в середине 1960-х годов в партийных организациях обнинских институтов образовалась прослойка романтически настроенных молодых людей, заряженных «оттепельной» динамикой, которые стали базой для экспериментирования в сфере городской публичной жизни. В отсутствие сильного городского партийного комитета, но при наличии доступа к партийным ресурсам и каналам коммуникации молодые коммунисты, воспитанные в атмосфере «оттепели», попытались реализовать собственную программу развития городской среды.

Интеллектуальные поиски на ниве политпросвещения

Изменения партийного «кода», последовавшие в хрущевский период, сказывались в желании переформатировать технологии идеологической работы, используя все тот же коллективистский драйв. Так, «Справочник секретаря первичной партийной организации» в качестве наиболее эффективных рекомендовал коллективные формы политического самообразования:

> Самостоятельно изучая литературу, товарищи периодически (один-два раза в месяц) собираются, чтобы сообща обсудить наиболее сложные теоретические вопросы [Справочник 1967: 23].

Такой подход нашел благодатную почву в склонной к дискуссиям научно-технической среде.

В качестве главных методов учебы партийные методички называли теоретические семинары и конференции. Выступая на таких мероприятиях, коммунист должен был не просто продемонстрировать результаты самообразования, но и высказать собственные мысли перед критическим взглядом товарищей по партии, вызвав по возможности живой отклик аудитории:

> Доклад тем лучше достигнет цели, вызовет активность участников конференции ‹…› чем больше в нем размышлений, авторской индивидуальности. Если же он будет простым изложением прочитанного, носить характер отчета, изобиловать прописными истинами, то не вызовет интереса, не пробудит в людях желание поделиться своими мыслями [Там же: 74].

Предполагалось, что после того как подлинные взгляды участников выявляются публично, они корректируются в коммуникации с опытными пропагандистами, в результате чего партийная доктрина усваивается еще прочнее. Подобная технология вполне соответствовала общему духу борьбы с лицемерием и двуличностью, характерному для позднесталинской и хрущевской эпох [Хархордин 2002: 355–358].

Однако описанные рекомендации были рассчитаны прежде всего на воспитание и поддержку «политической сознательности» представителей рабочего класса, для которых освоение марксистской теории представляло определенный интеллектуальный вызов и нуждалось во внешней стимуляции. А в среде научно-технической интеллигенции, которая уже была заряжена на независимый интеллектуальный поиск, подобные стимулы провоцировали не только бóльшую откровенность, но и действительно творческий подход к идеологическим вопросам, на что едва ли рассчитывали методологи политпросвещения.

Обнинский горком КПСС занимался организацией городской сети партийной и комсомольской учебы, привлекая к идеологическим занятиям наиболее «сознательную» прослойку интеллигенции. Существовала установленная структура такой сети: в нее входили кружки по изучению марксизма-ленинизма и истории КПСС в парторганизациях, партшколы (начальная политическая школа и школа основ марксизма-ленинизма), вечерние университеты марксизма-ленинизма, теоретические, проблемные и методологические семинары и некоторые другие формы. Учитывая образовательный уровень обнинцев, основное внимание горком уделял работе вечернего университета. В 1957 г. он состоял из трех отделений: истории КПСС, политэкономии и философии. Слушатели рекомендовались секретарями партийных и комсомольских организаций [Сербинова 1957: 2]. При этом на факультете философии занимались слушатели, имевшие законченное высшее образование. По окончании обучения они становились пропагандистами в кружках философии своих парторганизаций. Также на базе факультета философии велось преподавание марксизма-ленинизма для молодых ученых, готовящихся сдать кандидатский минимум.

Организацией политпросвещения в Обнинске 1960-х годов руководил секретарь горкома по идеологии В. Е. Лесничий, бывший инженер обнинского филиала Научно-исследовательского физико-химического института (НИФХИ) им. Л.Я. Карпова, чьи личные особенности сыграли важную роль в городской истории:

> Была, так сказать, партийная жизнь… руководил этой партийной жизнью второй секретарь горкома, ответственный за идеологическую работу, в то время был Лесничий. Первое время он тоже был настроен достаточно прогрессивно, тем более что его родители тоже были репрессированы, он прошел через всякие такие вещи, мог это чувствовать (NN, 2012a).

> Лесничий сам по себе человек очень образованный. С огромным, непередаваемым чувством юмора! ‹...› И потом, он читал всё! Проглатывал. Он знал всё! ‹...› И он, он, он тоже не был идеологом. Он инженер Физико-химического института. Он не понимал, какая там идеология (Черных Н. С., 2012).

В последней характеристике журналистка городской газеты «Вперед» Нонна Черных противопоставляет мир партийных идеологов, приученных к воспроизведению авторитетного дискурса, и научно-техническую прослойку, из которой вышел Лесничий, — с ее тягой к энциклопедизму и широкими гуманитарными интересами. То, что благодаря эффекту замкнутого кадрового цикла эта фигура оказалась в топе городской партийной элиты, стало одним из слагаемых своеобразия общественной жизни Обнинска в 1960-е годы.

Информант NN упоминает в числе мероприятий обнинского горкома «всякие политзанятия», однако отмечает, что «эта линия была достаточно формализованная». В то же время организованная В. Е. Лесничим «философская учеба» была удачным способом включиться в среду наиболее «продвинутых» коммунистов и завязать контакты с горкомовским начальством:

> Там еще с ним (В. Е. Лесничим. — *Р. Х.*) общение было немножко неформальное в том плане, что в это время была организована учеба молодых специалистов, философская учеба, с целью помочь сдать кандидатский минимум по философии. Как раз я на него пошел, хотя у меня никаких мыслей о диссертации в то время не было, но просто было время, и было интересно там, вопросы, философские вопросы меня интересовали всегда, и там пообщаться хотелось. Там было много ребят, где тусовались в свое время, так что… И Лесничий там был один из преподавателей (NN, 2012а).

Расцвет философского образования в Обнинске 1960-х годов был также связан с деятельностью супругов Б. С. Грязнова и К. В. Малиновской, сотрудников кафедры философии вечернего университета марксизма-ленинизма, лекции которых были далеки от господствовавших в официальном преподавании стандартов. В университете ежегодно проводились теоретические философские конференции научных сотрудников города, на которые приглашались гости из Института философии АН СССР (см.: [Философская конференция 1966]).

Помимо регулярных занятий в сети политического просвещения популярностью пользовались «вечера вопросов и ответов», а также лекции самих ученых по философским проблемам физики или космологии. Такие мероприятия официально засчитывались как мероприятия политпросвещения, однако де-факто лишь косвенно относились к пропаганде марксизма-ленинизма. Куда легче было обнаружить на них дебаты по вопросам «Жизнь во вселенной» или «Предел возможностей “думающих машин”»

[Малиновская 1966: 2], чем разбор канонических сочинений «классиков». «Гастроли» профессиональных философов расширяли информационный горизонт обнинских физиков, а регулярный отклик через газету позволял эффективно влиять на повестку политзанятий.

Таким образом, деятельность горкома в зоне философского просвещения, которая теоретически должна была привести к более глубокой индоктринации научных работников, подтолкнула их к независимому интеллектуальному поиску, не ограниченному догматическим марксизмом.

Территория инициативы: между партийным прикрытием и партийным давлением

Результатом сочетания поощряемого сверху коллективистского энтузиазма с сочувственной позицией руководства горкома и наличием базовой партийно-комсомольской инфраструктуры стало бурное развитие в Обнинске различных самодеятельных инициатив. Сначала это были практики, которые носили в значительной мере кулуарный характер и касались небольших групп единомышленников (дружеский самиздат, неформальные семинары, КВН). Однако на определенном этапе сообщество попыталось расширить свою орбиту, создав полноценную публику уже на городском уровне. Организационной формой такого расширения стал созданный на общественных началах городской Дом ученых.

Матч КВН Обнинск — Дубна. 1963 г.
Кадр любительской киносъемки из киноархива А. И. Воропаева
(передано Обнинскому проекту)

К моменту его появления (1964 г.) в Обнинске существовало уже пять институтов, сотрудники которых имели довольно ограниченные возможности для неформальных контактов. Поэтому одной из целей активистов-общественников стало формирование полноценного культурного пространства, объединяющего различные научные учреждения:

> …Было ощущение того, что вот это ненормально, что вот целая сеть институтов, и каждый живет своей изолированной жизнью, в то время как взаимодействие между институтами должно дать какой-то особый синергетический, так сказать, эффект — создание такой вот, как сейчас любят говорить, среды (NN, 2012b).

Как видно из интервью, важным фактором, подтолкнувшим создание общегородской просветительской площадки, была недостаточность усилий партии и комсомола по формированию единого коммуникативного пространства. Дом ученых в сегодняшних нарративах его создателей оказывается вписанным в общие представления об атмосфере «оттепели», породившей схожие формы социальной самоорганизации и в других научных центрах:

> …Это, я так понимаю, где-то витало в воздухе, потому что что-то подобное было, организовывалось и в Новосибирске, в Академгородке. А в то время стремление организовывать клубы... ну, я просто о тенденции говорю, такая тенденция просматривалась, потому что по примеру клуба Дома ученых были организованы Клуб любителей кино, еще какие-то клубы пытались организовать, то есть был толчок к созданию, как сейчас говорят, открытого общества и всякое такое (NN, 2012b).

Первоначально проект функционировал под вывесками «дня ученого» или «вечеров ученых» и предполагал ежемесячное проведение просветительских мероприятий с привлечением столичных интеллектуалов (NN, 2012a). По воспоминаниям В. З. Нозика, первым выступлением, подтолкнувшим инициативную группу к проведению регулярных встреч, стала лекция Петра Якира «о предвоенной ситуации в стране и зловещей роли Сталина» [Нозик б. г.]. За 1964–1968 гг. в городе науки побывали маршал Г. К. Жуков, барды В. С. Высоцкий и Ю. Ч. Ким, писатели В. Ф. Тендряков, В. Д. Дудинцев, В. М. Шукшин и В. А. Каверин, историк А. М. Некрич, редактор «Нового мира», литературовед В. Я. Лакшин, лингвист В. В. Виноградов и другие кумиры интеллигенции шестидесятых. Благодаря Дому ученых обнинская общественность оказалась включена в актуальную культурную жизнь, происходившую в то время в столице.

Помимо выступлений в жанре лекций с последующими вопросами аудитории, имели популярность горизонтальные формы взаимного просвещения, такие как «английский клуб», участники которого рассказывали друг другу по-английски о своих зарубежных поездках [Интересно 1965].

Режиссер Л. И. Гайдай (в центре) на обсуждении фильма после показа в ДК ФЭИ в Обнинске (фото из архива В. С. Дмитриевой, передано Обнинскому проекту)

После того как состоялось несколько вечеров, от заинтересованных участников стали поступать предложения — к примеру, об организации «секции любителей острого слова» или дискуссионного клуба для обсуждения «самого широкого круга вопросов — от телепатии до говорящих дельфинов» [Там же]. А. И. Абрамов в публикации в газете «Вперед» уже перестроечного времени отмечает, что одной из задач Дома ученых было «дать своим членам возможность ‹…› обменяться научными идеями, получить дополнительную информацию о положении дел в смежных науках» [Абрамов 1990]. В отзывах на страницах городской газеты 1960-х годов настойчиво звучит пожелание развивать именно «разговорный жанр»: «Встречи друг с другом, разговоры и дискуссии между собой должны быть основным стержнем дня ученого», — высказался И. П. Стаханов, сотрудник теоротдела ФЭИ [Стаханов 1965].

Со временем вечера ученых стали более частыми (раз в две недели, по субботам). Сложился устойчивый формат мероприятий: сначала разговор с приглашенными знаменитостями, затем в течение полутора-двух часов — собрание клубов по интересам, в завершение — киносеанс или концерт. Мероприятия пользовались большим успехом и не могли вместить всех желающих, поэтому была разработана система абонементов: «докторам — полный абонемент каждый раз, кандидатам половинку, через раз, а всем остальным там по четвертиночке» (NN, 2012b).

Ядро инициативы Дома ученых составляли сотрудники ФЭИ (В. А. Павлинчук, В. З. Нозик, В. Н. Разуваев, В. В. Филиппов), однако в него вошли и представители всех институтов города (В. Е. Ключ, К. А. Склобовский и Б. М. Кример из ИМР, А. Г. Васильев из филиала НИФХИ и др.). Они составили совет Дома ученых, который занимался формированием программы вечеров, решением организационных и технических вопросов. Совет делился на секции — историческую, литературную, искусствоведческую и др. (Нозик В. З., 2013).

На вечере ученых в Обнинске (фото из архива В. С. Дмитриевой, передано Обнинскому проекту)

Члены Совета выдвигались и избирались, минуя партийные и комсомольские инстанции. Тем не менее связь совета Дома ученых с либеральными партийными руководителями была ключевым звеном в поддержании его легитимного статуса. Инициативу, в частности, поддержал секретарь горкома В. Е. Лесничий, в кабинете которого состоялось первое заседание Совета: «ему очень хотелось быть нам своим, очень ему хотелось вот быть, что вот он… вот он среди физиков» (Нозик В. З., 2013). С ним согласовывались все мероприятия, он же подписывал приглашения для гостей из Москвы. Контакты с Лесничим позволяли действовать более-менее вольно, не оглядываясь на других представителей горкома, которые в основном негативно воспринимали подобную «самодеятельность»:

> Ну, естественно, как только началась деятельность, то сразу началась неприязнь со стороны партийной организации городской, потому что и темы подымались такие, которые считали недопустимыми, ‹…› ясно было, что идеологически это вредная вещь (NN, 2012b).

Важной фигурой для дипломатического «прикрытия» на партийном фронте был председатель Совета А. И. Абрамов (начальник лаборатории ФЭИ, член КПСС), который, по свидетельству NN, «был специально назначен горкомом».

> …Он был удачной кандидатурой, потому что он хороший парень, вот. Хотя ему очень было тяжело, потому что здесь давили на него под нож: давай либо это, либо это, а с другой — держать и не пущать, так сказать, со стороны горкома... ‹…› Он придерживал пыл, ‹…› самые острые ‹…› темы он откладывал, мотивируя тем, что разгонят нас... (NN, 2012a).

Партия как институт политического контроля была внешним ограничивающим условием, но не внутренней движущей силой коллективной инициативы. Горком пытался лишь «окультурить» общественное движение, придать ему приемлемые с идеологической точки зрения формы:

> Многие именитые гости Дома ученых довольно откровенно высказывали свои взгляды на историю и на современность, что приводило к появлению различных писем и заявлений с последующими вызовами и малоприятными объяснениями в горком КПСС [Абрамов 1990].

> …Понемногу это стали понимать в горкоме, что раскачивается ситуация, и начали, значит, устраивать всякие прижимы-зажимы… (NN, 2012a).

Однако эти периодические беседы хотя и были «малоприятными», но не имели серьезных последствий и не означали системного наступления на свободы интеллигенции. Оно началось только в 1967 г., когда повсеместное преследование либеральной общественности встало на повестку дня в Москве.

Самиздат для физиков-теоретиков или теоретический тупик?

3 июля 1967 г. Ю. А. Андропов, только что назначенный на пост председателя КГБ СССР, направил письмо на имя Брежнева с предложением создать в структуре КГБ пятое управление — для борьбы с «актами идеологической диверсии». Оно взяло в разработку целый ряд интеллектуальных сообществ в разных частях страны, оказались под прицелом и обнинцы. Известный биолог и диссидент Жорес Медведев, работавший

в это время заведующим лабораторией ИМР, сообщает в воспоминаниях, что в 1967 г. «попал под более плотное наблюдение КГБ». В 1992 г. ему удалось ознакомиться с докладной запиской в ЦК КПСС, где он вместе с В. А. Павлинчуком обвинялся в подготовке самиздата [Медведев 2012]. По свидетельству Ж. А. Медведева, для того чтобы получить прямые доказательства распространения самиздата в Обнинске, был организован специальный «вброс» нелегальной литературы (вероятно, через агента КГБ):

> На одно из выступлений в «Доме ученых» удалось пригласить Анастаса Ивановича Микояна ‹…› Один из сопровождавших Микояна, некто Г., пожилой уже человек, быстро нашел с молодыми физиками общий язык. Он пригласил Павлинчука к себе домой в Москве и показал ему литературу не только «самиздата», но и «тамиздата» — книги на русском, изданные за границей. Он разрешал Валерию брать некоторые из них в Обнинск. Но потом всегда интересовался, кто прочитал ту или иную книгу. Задавать такие вопросы было не в обычае среди диссидентов. Однако Павлинчук был доверчив и неопытен. Однажды в теоретическом отделе ФЭИ (вскоре после получения Павлинчуком литературы от Г.) провели обыск, при котором обнаружили некоторые нелегальные издания [Там же].

В начале ноября 1967 г. была создана комиссия при горкоме по расследованию дела о самиздате, которая вызывала для разговора А. В. Шутько, С. А. Маева, Л. Семенова, Ю. Соколова, И. П. Стаханова, Н. С. Работнова, В. М. Агроновича и В. А. Павлинчука. В результате проведенного расследования на бюро горкома 29 ноября части «провинившихся» были объявлены выговоры. Вслед за этим на VII отчетно-выборной партийной конференции 27 декабря 1967 г. секретарь парткома ФЭИ В. А. Кузнецов доложил о «позорном факте ‹…› чтения и распространения в отделе № 1 политически вредной литературы», называя имена В. А. Павлинчука, С. А. Маева и И. П. Стаханова [Краткий очерк 1982: 221, 223].

В. А. Павлинчук, не раскаявшийся в содеянном, был исключен из партии и «отчислен» из теоротдела «методом лишения допуска к секретной работе» [Нозик б. г.]. Он подал апелляцию, но не дожил до результатов ее рассмотрения, 31 июля 1968 г. скончавшись в результате обострения болезни почек. Похороны Павлинчука стали фактором консолидации либеральной общественности Обнинска, превратившись из частного события в гражданскую акцию. На траурное мероприятие приехали правозащитники из Москвы.

Август 1968 г. оказался финальным аккордом сворачивания «оттепели» в СССР. Вводу советских войск в Чехословакию должны были аккомпанировать многолюдные митинги и многочисленные резолюции собраний трудящихся с единодушной поддержкой акции «по оказанию интернациональной помощи братскому чехословацкому народу». Как пишет Ж. А. Медведев, такие собрания прошли и в обнинских институтах, а уклонение от их посещения становилось поводом для жестких санкций:

> Мой друг Анатолий Васильев, завлабораторией в соседнем Карповском институте, проигнорировал аналогичное собрание. На следующий день его лишили допуска к секретным работам, что означало увольнение (потом ему удалось устроиться на работу лишь водопроводчиком жилотдела). Всего в Обнинске за сознательную неявку на такие собрания уволили 16 человек [Медведев 2012].

Произошедшее изменение политического климата было оформлено на кадровом уровне. Вместо относительно мягкого Е. Е. Федорова на пост секретаря Обнинского горкома был назначен И. В. Новиков, по профессии учитель истории, получивший карт-бланш на искоренение крамолы. Волна партийных репрессий коснулась тех, кто участвовал в подготовке и проведении похорон В. А. Павлинчука. Среди них оказались и члены горкома КПСС: редактор газеты «Вперед» М. Ю. Лохвицкий был исключен из партии 20 ноября 1968 г., и. о. доцента кафедры марксизма-ленинизма Обнинского филиала МИФИ Р. Я. Левита — 15 января 1969 г. Им ставилось в вину то, что они «возложили цветы на гроб Павлинчука, участвовали в похоронной процессии, чем, по существу, выразили свою солидарность и поддержку деятельности Павлинчука» [Батыгин 1999: 515–516].

Прошли увольнения в ФЭИ и в других институтах: в 1969 г. лишились работы заведующие лабораториями ИМР Н. В. Тимофеев-Ресовский и Ж. А. Медведев. Данные события городской жизни означали наступление на неформальный общественный активизм и переход к жесткому партийному надзору за интеллигенцией. В жизни страны эти перемены были связаны с отказом от коллективистского энтузиазма и переходом власти к опоре на централизованные формы принуждения.

Территория аномалии

«Оттепельный» проект в кругах советской научно-технической интеллигенции нашел воплощение не только в распространении соответствующего дискурса («социализм с человеческим лицом», «демократический социализм»), но и в попытках создания новых и реконфигурации существующих институтов и социальных сетей. Прежде всего речь идет о складывании солидарностей внутри профессиональных коллективов и неформальных групп с последующим переходом к активной общественной деятельности — в основном просветительского характера. Инфраструктурные дизайны, в которых существовали ученые в послесталинский период, оказались достаточно гибкими и проницаемыми, чтобы эта деятельность имела определенный успех. Очагами свободной инициативы стали исследовательские организации и вузы в мегаполисах, но особенно ярко она проявилась на уровне небольших городов с высокой концентрацией научных специалистов, где территориальная замкнутость стимулировала и ускоряла социальные интеракции.

Явления самоорганизации и появление очагов публичности, бросавших вызов авторитарной власти, были характерны для большей части научных центров послесталинского СССР, и в основном их появление было связано с активностью в рамках партийных и комсомольских институтов. Так, в 1953 г. прошли выступления на физическом факультете МГУ против консервативного крыла профессуры, которые привели к бурному росту самосознания студентов [Гапонов и др. 2002]. В 1956 г. состоялось уже упомянутое обсуждение доклада Хрущева в Теплотехнической лаборатории АН СССР. Середина 1960-х годов стала «звездным часом» для Обнинска и новосибирского Академгородка. И уже в 1975 г. заявила о себе группа молодых специалистов в Арзамасе-16 [Матюшкин 2007].

В данном ряду Обнинск и Академгородок выделялись особо, так как в них сформировались не просто инициативные группы единомышленников, но действующие городские сообщества, основанные на инициативе снизу. Благодаря альянсу (или даже сращиванию) местной партийной элиты с либеральной интеллигенцией на какое-то время стало возможно свободное развитие городской публичной сферы. При этом общественные активисты использовали инфраструктурные возможности партийной сети и в основном разделяли декларируемые партийные ценности.

В Обнинске этому способствовало еще и «атомное» прикрытие, предполагавшее особые механизмы рекрутирования местной элиты и «недопуск» в город областного руководства. В результате появился уникальный для СССР очаг городской культуры, в котором вплоть до конца 1960-х годов партийная и неформально-общественная сферы не были четко разделены, а напротив, составляли своеобразный гомеостаз и взаимно подпитывали друг друга.

Эта модель городского развития была разрушена в 1968 г. в результате изменения центрального курса и последовавшего переформатирования локального политического поля, однако память о ней продолжала влиять на идентичность интеллигенции и горизонты ее политических ожиданий вплоть до периода перестройки.

В 1970-е годы Обнинск продолжил быть территорией политической аномалии, однако уже с противоположным знаком: принципиальность нового партийного руководства города была экстраординарной даже по меркам застойного брежневского времени. Повинности, наложенные на институты (в виде, например, шефской помощи колхозам), не подлежали обсуждению и создавали устойчивую разметку политического поля, не допускавшую новых детерриторизующих смещений — по крайней мере на городском уровне. Масштаб сопротивления сместился на уровень повседневных практик, где распространенным ответом на закрепощающую рамку стали уловки «вненаходимости» — избегания крайностей как явного диссидентства, так и чрезмерного партийного активизма, уводившие социально активную интеллигенцию в ниши за пределами партийных сетей.

Архивные источники

Глазанов 1992 — Глазанов Владимир Николаевич: [Машинописный документ за подписью Л. И. Кудиновой, датирован 6 февр. 1992 г.] (Личный архив В. С. Дмитриевой, Обнинск).

Характеристика 1956 — Характеристика на Глазанова В. Н. [1956 ?] (Личный архив В. С. Дмитриевой, Обнинск).

Интервью

NN — муж.; интервью 12 нояб. 2012 г., интервьюер З. С. Васильева (2012a); 27 нояб. 2012 г., интервьюер Р. И. Хандожко (2012b).

Маев С. А. — интервью 26 дек. 2012 г., интервьюер Р. И. Хандожко.

Нозик В. З. — интервью 22 апр. 2013 г., интервьюер З. С. Васильева.

Орлов В. В. — интервью 3 авг. 2012 г., интервьюер Г. А. Орлова.

Черных Н. С. — интервью 7 дек. 2012 г., интервьюер Р. И. Хандожко.

Литература

Абрамов 1990 — *Абрамов А.* …Под крышей дома своего? // Вперед. 1990. № 39 (4639), 29 марта. С. 2.

Адамский 1996 — *Адамский В. Б.* Становление гражданина // Он между нами жил… Воспоминания о Сахарове / Ред. Б. Л. Альтшулер. М.: Практика, 1996. С. 22–43.

Батыгин 1999 — Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г. С. Батыгин. СПб.: РХГИ, 1999.

Беланова 1996 — *Беланова Т.* Я помню, как всё начиналось // Город [журнал; Обнинск]. № 1. 1996. С. 31–38.

Габрианович 2012 — *Габрианович Д. В.* Владимир Николаевич Глазанов. Письма из Норильска // Приобнинский край. Город и окрестности. История и современность: Тр. обнинского краеведческого объединения «Репинка» / Ред. и сост. В. А. Тарасов. Вып. 1. Т. 2. Обнинск: Росинтал, 2012. С. 109–112.

Гаврилова 2013 — *Гаврилова Р. А.* История становления Обнинска. 1940–1960-е гг. Калининград: Аксиос, 2013.

Гапонов и др. 2002 — *Гапонов Ю. В., Ковалева С. К., Кессених А. В.* Студенческие выступления 1953 года на физфаке МГУ как социальное эхо атомного проекта // История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования / Отв. ред. и сост. В. П. Визгин. Вып. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 519–544.

Гер 2015 — *Гер Э.* Теоретический тупик: документальная повесть // Знамя. 2015. № 9. С. 137–189.

Делез, Гваттари 2010 — *Делез Ж. [Гваттари Ф.].* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; Астрель, 2010.

Доклад 2002 — Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М.: РОССПЭН, 2002.

Еремеев и др. 2004 — Когда полвека ярче века: XIII литературно-художественный альманах обнинских ветеранов волейбола / Сост. Е. В. Еремеев и др. Обнинск: [б. и.], 2004. С. 3–21. URL: http://www.admobninsk.ru/netcat_files/File/13-2004.pdf.

Интересно 1965 — Интересно? Да! Но… // Вперед. 1965. № 25 (764). 29 мая. С. 3.

Краткий очерк 1982 — Краткий очерк истории Физико-энергетического института и его парторганизации за период с 1946 по 1980 год. Обнинск: [Б. и.], 1982.

Кузнецов 2008 — *Кузнецов В. Н.* Закрытые города Урала. Исторические очерки. Екатеринбург: ОАО «Полиграфист», 2008.

Кулевиг 2009 — *Кулевиг Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М.: АИРО–XXI, 2009.

Ларина 2006 — Обнинск — первый наукоград России: История и современность / Ред. Т. М. Ларина. Обнинск: Ресурс, 2006.

Лейпунский 2003 — Академик АН УССР А. И. Лейпунский. Фотодокументы. 1910–1972. Обнинск: Принт-Экспресс, 2003.

Лурье, Малярова 2007 — *Лурье Л., Малярова И.* 1956 год. Середина века. СПб.: Изд. «Нева», 2007.

Лучник 2002 — *Лучник Н. В.* Вторая игра. М.: Компания Спутник+, 2002.

Малиновская 1966 — *Малиновская К.* Не надо бояться острых вопросов // Вперед. 1966. № 35 (892). 22 марта. С. 2.

Матюшкин 2007 — *Матюшкин В. Ф.* Повседневная жизнь Арзамаса-16. М.: Молодая гвардия, 2007.

Медведев 2011–2015 — *Медведев Ж. А.* Опасная профессия: главы из книги // 2000.ua. 2011, 9 нояб. — 2015, 3 дек. URL: http://www.2000.ua/avtory/profail-avtora.htm?id_avtor=3699.

Медведев 2012 — *Медведев Ж. А.* Юбилейный 67-й [глава из книги «Опасная профессия»] // 2000.ua. № 6 (593), 10–16 февр. URL: http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/jubilejnyj-67-j_arhiv_art.htm.

Мельникова 2006 — *Мельникова Н. В.* Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.

Михайлин 2015 — *Михайлин В.* Конструирование новой советской идентичности в «оттепельном» кино // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. / Отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. С. 312–320.

Нозик б. г. — *Нозик В. З.* У памятника // Физико-техник / Воспоминания о выпускнике ФизТеха УПИ Павлинчуке Валерии Алексеевиче. URL: http://new.fizikotekhnik.ru/FizikoTekhnik_Narod/FizikoTekhnik_MemoPva.htm.

Орлов 2006 — *Орлов Ю.* Опасные мысли. Мемуары из русской жизни. М.: Мос. хельсинская группа, 2006.

Орлова 2014 — *Орлова Г. А.* Контакты третьей степени: Заметки о витринной науке // Новое литературное обозрение. 2014. № 4 (128). С. 64–87.

Пихоя 2000 — *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Положение 1959 — Положение о комиссиях по осуществлению парторганизациями права контроля деятельности администрации предприятий // Партийная жизнь. 1959. № 13. С. 24–27.

Положение 1963 — Положение о «Комсомольском прожекторе» // Комсомольская правда. 1963. № 69 (11616). 22 марта. С. 1.

Полунин 2007 — *Полунин В. В*. Становление центральных органов управления атомной промышленностью СССР (1945–1953) // Новый исторический вестник. Т. 16. 2007. С. 213–219.

Пронягин 2007 — *Пронягин П. Г*. Урал. Три периода. Екатеринбург: Раритет, 2007.

Программа и Устав 1937 — Программа и Устав ВКП(б). М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

Работнов 2007 — *Работнов Н. С*. Давно... в шестидесятые // Индекс: досье на цензуру. 1997. № 2. С. 80–85.

Рябев 2003 — Атомный проект СССР: документы и материалы: В 3 т. Т. 2: Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 4 / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ; М.: Наука; Физматлит, 2003.

Свиридов 1968 — *Свиридов Н*. Партийная забота о воспитании научно-технической интеллигенции // Коммунист. 1968. № 18. С. 36-45.

Сербинова 1957 — *Сербинова Л*. В вечернем университете // Вперед. 1957. № 4. 13 ноября. С. 2.

Справочник 1967 — Справочник секретаря первичной партийной организации. М.: Политиздат, 1967.

Стависский 2002 — *Стависский Ю. Я.* Мы из Обнинска. Записки нейтронщика. М.: Энергоатомиздат, 2002.

Стаханов 1965 — *Стаханов И*. «Я — за!» // Вперед. 1965. № 105 (844), 2 декабря. С. 2.

Троянов 2007 — *Троянов М. Ф*. Моей судьбою стал Физико-энергетический институт. Обнинск: ГНЦ РФ-ФЭИ, 2007.

Феномен Турчина 2001 — Феномен Турчина // Радио Свобода. 2001, 3 апр. URL: http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24203812.html.

Физико-энергетический институт 2006 — Физико-энергетический институт. Летопись в судьбах. Обнинск: ГНЦ РФ-ФЭИ, 2006.

Философская конференция 1966 — Философская конференция: «Объект научного исследования» // Вперед. 1966. № 35 (892). 22 марта. С. 2.

Хархордин 2002 — *Хархордин О. В*. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: ЕУСПб; Летний Сад, 2002.

Kozlov, Gilburd 2013 — *Kozlov D., Gilburd E.* The thaw. Soviet society and culture during the 1950s and 1960s. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2013.

Rigby 1968 — *Rigby T. H*. Communist Party membership in the USSR. 1917–1967. Princeton (New Jersey): Princeton Univ. Press, 1968.

Territory of political anomaly: Party life in a Soviet atomic city in the 1950s–1960s

Khandozhko, Roman I.
PhD (Candidate of Science in History)
Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ro.khan.man@gmail.com

Abstract. Implementation of the Soviet nuclear program involved the concentration of a large number of scientific and technical specialists in nuclear cities that were geographically removed and politically isolated from "civilian" administrative centers. They were managed within the system of the First Chief Directorate, and then of the Ministry of Medium Machine Building, which directed the nuclear developments in emergency mode, making use of nearly unlimited resources. This particular mode of authority weakened the position of party organs in atomic centers and hampered the implementation of ideological control over the scientific and technical intelligentsia. The subject of this article is the city of Obninsk in Kaluga region, which grew out of the secret laboratory "V". The author examines the history of the local organization of the Communist Party, which because of nuclear secrecy was isolated from the oblast-level leadership. This disconnection was not fully overcome even after the "opening" of the city in 1956, which was manifested, in particular, in the composition of the City Party Committee. The presence of liberal-minded people from the scientific milieu among the party bosses allowed activists from various institutes to set up in the 1960s an urban public space aimed at freedom of self-expression and discussion, using, inter alia, the party network and resources. This model of urban development was destroyed in 1968 due to changes in central policy and the subsequent reformatting of the local political field.

Keywords: Soviet atomic project, atomic cities, science cities, scientific and technical intelligentsia, CPSU, party control, party membership, political education, dissent, amateur activities, social networks

References

Abramov, A. (1990, March 29). …Pod kryshei doma svoego? […Under the roof of their own house]. *Vpered* [Forward], p. 2. (In Russian).

Adamskii, V. B. (1996). Stanovlenie grazhdanina [Becoming a citizen]. In B. L. Al'tshuler (ed.). *On mezhdu nami zhil… Vospominaniia o Sakharove* [He lived among us... Memoirs of Sakharov], 22–43. Moscow: Praktika. (In Russian).

Batygin, G. S. (ed.) (1999). *Rossiiskaia sotsiologiia shestidesiatykh godov v vospominaniiakh i dokumentakh* [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. St. Petersburg: RKhGI. (In Russian).

Belanova T. (1996). Ia pomniu, kak vse nachinalos' [I remember how it all began]. *Gorod* [The city]*, 1996*(1), 31–38. (In Russian).

Delez, Zh., Gvattari, F. (2010). *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia* (Transl. from: Deleuze, G., Guattari, F. (1980). *Capitalisme et schizophrénie: Mille plateaux*. Paris: Éditions de Minuit). Ekaterinburg: U-Faktoriia; Astrel'. (In Russian).

[Doklad (2002)] — *Doklad N. S. Khrushcheva o kul'te lichnosti Stalina na XX s"ezde KPSS: Dokumenty* [N. S. Khrushchev's report on Stalin's personality cult at the 20th Congress of the CPSU: Documents]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Eremeev, E. V. et al. (eds.) (2004). *Kogda polveka iarche veka: XIII literaturno-khudozhestvennyi al'manakh obninskikh veteranov voleibola* [When half a century is brighter as a century: XIII literary almanac of Obninsk volleyball veterans]. Obninsk: [n. p.]. Retrieved from http://www.admobninsk.ru/netcat_files/File/13-2004.pdf. (In Russian).

[Fenomen Turchina (2001, April 3)] — Fenomen Turchina [The Turchin phenomenon]. *Radio Svoboda* [Radio Liberty]. Retrieved from http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24203812.html. (In Russian).

[Filosofskaia konferentsiia (1966, March 22)] — Filosofskaia konferentsiia: "Ob"ekt nauchnogo issledovaniia" [Philosophical conference "The object of scientific research"]. *Vpered* [Forward], p. 2.

[Fiziko-energeticheskii institut (2006)] — *Fiziko-energeticheskii institut. Letopis' v sud'bakh* [Institute of Physics and Power Engineering. Chronicle of fates]. Obninsk: GNTs RF-FEI. (In Russian).

Gabrianovich, D. V. (2012). Vladimir Nikolaevich Glazanov. Pis'ma iz Noril'ska [Vladimir Nikolaevich Glazanov. Letters from Norilsk]. In V. A. Tarasov (ed.). *Priobninskii krai. Gorod i okrestnosti. Istoriia i sovremennost': Trudy obninskogo kraevedcheskogo ob"edineniia "Repinka"* [Priobninsky region. The city and surroundings. Past and present: Proceedings of Obninsk local lore association "Repinka"]*, No. 1, Vol. 2*, 109–112. Obninsk: Rosintal. (In Russian).

Gaponov, Iu. V., Kovaleva, S. K., Kessenikh, A. V. (2002). Studencheskie vystupleniia 1953 goda na fizfake MGU kak sotsial'noe ekho atomnogo proekta [Student unrest in 1953 at the Physics Department of Moscow State University as a social echo of nuclear project]. In V. P. Vizgin (ed.). *Istoriia sovetskogo atomnogo proekta: dokumenty, vospominaniia, issledovaniia* [The history of the Soviet nuclear project: documents, memoirs, studies]*, No. 2*, 519–544. St. Petersburg: RKhGI. (In Russian).

Gavrilova, R. A. (2013). *Istoriia stanovleniia Obninska. 1940–1960-e gg.* [The history of the formation of Obninsk. 1940–1960s]. Kaliningrad: Aksios. (In Russian).

Ger, E. (2015). Teoreticheskii tupik: dokumental'naia povest' [The theoretical dead end: A documentary story]. *Znamia* [Banner]*, 2015*(9), 137–189. (In Russian).

[Interesno (1965, May 29)] — Interesno? Da! No… [Interesting? Yes, but…]. *Vpered* [Forwad], p. 3. (In Russian).

Kharkhordin, O. V. (2002). *Oblichat' i litsemerit': Genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Reveal and dissimulate: Genealogy of private life in Soviet Russia]. St. Petersburg; Moscow: EUSPb; Letnii Sad. (In Russian).

Kozlov, D., Gilburd, E. (2013). *The thaw. Soviet society and culture during the 1950s and 1960s*. Toronto: Univ. of Toronto Press.

[Kratkii ocherk (1982)] — *Kratkii ocherk istorii Fiziko-energeticheskogo instituta i ego partorganizatsii za period s 1946 po 1980 god* [A short history of the Institute of Physics and Power Engineering and its party organization during the period from 1946 to 1980]. Obninsk: [n. p.]. (In Russian).

Kulevig, E. (2009). *Narodnyi protest v khrushchevskuiu epokhu. Deviat' rasskazov o nepovinovenii v SSSR* (Transl. from: Kulavig, E. (2002). *Dissent in the years of Khrushchev: Nine stories about disobedient Russians.* Basingstoke: Palgrave Macmillan). Moscow: AIRO–XXI. (In Russian).

Kuznetsov, V. N. (2008). *Zakrytye goroda Urala. Istoricheskie ocherki* [Closed cities of the Urals. Historical essays]. Ekaterinburg: OAO "Poligrafist". (In Russian).

Larina, T. M. (ed.) (2006). *Obninsk — pervyi naukograd Rossii: Istoriia i sovremennost'* [Obninsk, the first science city of Russia: History and the present]. Obninsk: Resurs. (In Russian).

[Leipunskii (2003)] — *Akademik AN USSR A. I. Leipunskii. Fotodokumenty. 1910–1972* [Academician of the AS Ukrainian SSR A. I. Leipunsky. Photo documents. 1910–1972.]. Obninsk: Print-Ekspress. (In Russian).

Luchnik, N. V. (2002). *Vtoraia igra* [The second game]. Moscow: Kompaniia Sputnik+. (In Russian).

Lur'e, L., Maliarova, I. (2007). *1956 god. Seredina veka* [1956. Middle of the century]. St. Petersburg: Izdatel'skii dom "Neva". (In Russian).

Malinovskaia, K. (1966, March 22). Ne nado boiat'sia ostrykh voprosov [Do not be afraid of thorny issues]. *Vpered* [Forward], p. 2. (In Russian).

Matiushkin, V. F. (2007). *Povsednevnaia zhizn' Arzamasa-16* [Everyday life of Arzamas-16]. Moscow: Molodaia gvardiia. (In Russian).

Medvedev, Zh. A. (2011–2015). Opasnaia professiia: glavy iz knigi [Dangerous profession: chapters from the book]. *2000.ua*. Retrieved from http://www.2000.ua/avtory/profail-avtora.htm?id_avtor=3699. (In Russian).

Medvedev, Zh. A. (2012, February 10–16). Iubileinyi 67-i [Anniversary 67th]. *2000.ua,* no. 6 (593). Retrieved from http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnja-professija/jubilejnyj-67-j_arhiv_art.htm. (In Russian).

Mel'nikova, N. V. (2006). *Fenomen zakrytogo atomnogo goroda* [The phenomenon of the closed atomic city]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. (In Russian).

Mikhailin, V. (2015). Konstruirovanie novoi sovetskoi identichnosti v "ottepel'nom" kino [Building of new Soviet identity in the "Thaw" cinema]. In V. V. Alekseev (ed.). *Chelovek v usloviiakh modernizatsii XVIII–XX vv.* [Human in the conditions of modernization, 18th–19-th centuries], 312–320. Ekaterinburg: UrO RAN. (In Russian).

Nozik, V. Z. [n. d.]. U pamiatnika . Vospominaniia o vypusknike FizTekha UPI Pavlinchuke Valerii Alekseeviche [At the monument. Memoirs about V. A. Pavlinchuk, alumnus of the Ural Polytechnic Institute, Physical and Technical Faculty]. Retrieved from http://new.fizikotekhnik.ru/FizikoTekhnik_Narod/FizikoTekhnik_MemoPva.htm. (In Russian).

Orlov, Iu. (2006). *Opasnye mysli. Memuary iz russkoi zhizni* [Dangerous thoughts. Memoirs from Russian life]. Moscow: Moskovskaia khel'sinskaia gruppa. (In Russian).

Orlova, G. A. (2014). Kontakty tret'ei stepeni: Zametki o vitrinnoi nauke [Encounters of the third kind: Notes on showcase science]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]*, 128*, 64–87. (In Russian).

Pikhoia, R. G. (2000). *Sovetskii Soiuz: istoriia vlasti. 1945–1991* [Soviet Union: History of power. 1945–1991]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russian).

[Polozhenie (1959)] — Polozhenie o komissiiakh po osushchestvleniiu partorganizatsiiami prava kontrolia deiatel'nosti administratsii predpriiatii [Statute of the Commissions on the implementation of the right of the party organizations to control the administration of enterprises]. *Partiinaia zhizn'* [The Party life]*, 1959*(13), 24–27 (In Russian).

[Polozhenie (1963. March 22)] — Polozhenie o "Komsomol'skom prozhektore" [Regulations of the "Komsomol spotlight"]. *Komsomol'skaia pravda* [Komsomol truth], p. 1. (In Russian).

Polunin, V. V. (2007). Stanovlenie tsentral'nykh organov upravleniia atomnoi promyshlennost'iu SSSR (1945–1953) [Formation of central administrative organs of atomic industry of the USSR (1945-1953)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical bulletin]*, 16*, 213–219. (In Russian).

[Programma i Ustav (1937)] — *Programma i Ustav VKP(b)* [The program and charter of the AUCP(b)]. Moscow: Partizdat TsK VKP(b). (In Russian).

Proniagin, P. G. (2007). *Ural. Tri perioda* [Ural. Three periods]. Ekaterinburg: Raritet. (In Russian).

Rabotnov, N. S. (2007). Davno... v shestidesiatye [Long ago... in the sixties]. *Indeks: dos'e na tsenzuru* [Index: dossier on censorship]*, 1997*(2), 80–85. (In Russian).

Riabev, L. D. (ed.) (2003). *Atomnyi proekt SSSR: dokumenty i materialy* [The USSR's atomic project: Documents and materials] (Vols. 1–3). *Vol. 2, Part 4*. Sarov: RFIaTs-VNIIEF; Moscow: Nauka. Fizmatlit. (In Russian).

Rigby, T. H. (1968). *Communist Party membership in the USSR. 1917–1967*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1968.

Serbinova, L. (1957, November 13). V vechernem universitete [At the evening university]. *Vpered* [Forward], p. 2. (In Russian).

[Spravochnik (1967)] — *Spravochnik sekretaria pervichnoi partiinoi organizatsii* [Hand-book of the primary party organization secretary]. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Stakhanov, I. (1965, December 2). "Ia — za!" [I am for]. *Vpered* [Forward], p. 2. (In Russian).

Stavisskii, Iu. Ia. (2002). *My iz Obninska. Zapiski neitronshchika* [We are from Obninsk. Notes of a neutron physicist]. Moscow: Energoatomizdat. (In Russian).

Sviridov, N. (1968). Partiinaia zabota o vospitanii nauchno-tekhnicheskoi intelligentsii [Party care about the education of scientific and technical intelligentsia]. *Kommunist* [Communist]*, 1968*(18), 36–45. (In Russian).

Troianov, M. F. (2007). *Moei sud'boiu stal Fiziko-energeticheskii institut* [The Institute of Physics and Power Engineering became my fate]. Obninsk: GNTs RF-FEI. (In Russian).

Khandozhko, R. I. (2016). Territory of political anomaly: Party life in a Soviet atomic city in the 1950s–1960s. *Shagi / Steps, 2*(1), 167–199